

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ перспективы сельской школы

Зинаида Борисовна Ефлова,

заведующая лабораторией развития сельской школы Карелии Карельской государственной педагогической академии, кандидат педагогических наук

Ната Борисовна Крылова,

ведущий научный сотрудник Института управления образованием РАО, кандидат философских наук

Приходится видеть разные сельские школы — более-менее благополучные и с трудом выживающие, но общая оценка образования управленческой вертикалью всегда звучит оптимистично, что мешает видеть неприглядность реальности. В этом одна из причин того, что село и сельская школа как две стороны, как двуединая основа нашего культурного социума находятся под угрозой распада.

- малочисленная и малокомплектная школа
- специфика «малых» школ
- миграция сельского населения
- социальное развитие села
- социокультурные условия

Год 2005

Верхний Олонец. Карелия. Среди участников очередного семинара идём по улочкам типичного лес-промхозовского посёлка. Наш гид — молодая учительница верхнеолонецкой школы с гордостью показывает нам музеи, которые они создали и обустроили: этнографический, истории посёлка и совсем неожиданный — музей быта 50-х годов прошлого века — послевоенного времени строительства Верхнего Олонца. Для детей посёлка работает социальный клуб, игротека.

При этом лесоучастка нет уже десять лет, как нет и никакого иного производства. Только 30 непьющих мужчин имеют работу — валят лес, работают вахтовым методом. Осталь-

ные на сезонных заработках. Школьные учительницы первыми освоили компьютер, вышли в Интернет, научились писать и делать проекты, получать гранты, которые стали поддержкой не только школе и детям, но и всем жителям посёлка в создании новых рабочих мест, в организации досуга и нормального быта.

Год 2007

Пасмурным зимним днём приезжаем в школу со студентами педагогического университета. Нам навстречу с крыльца сбегает дети — подростки и малышня, в дверях будущих коллег встречают взрослые — педагоги и сотрудники. Студенты удивляются открытости детских лиц, молодости

и модности сельских учительниц, простому домашнему уюту школы. Как-то сразу станем своими: смотрим, спрашиваем, слушаем.

Мы учимся у верхнеолонецких профессионалов тому, как объяснять правила грамматики, законы математики и мудрости природы двум классам одновременно — изучать два предмета, две темы. Видим, как привычно присаживаются дети у компьютера, как умело работают с современной техникой, как свободно задают вопросы учителю и общаются друг с другом.

Педагоги показывают, рассказывают, убеждают, что можно жить на селе современно и очень интересно. Тридцать проектов, осуществлённых ими за трудное десятилетие, позволили удержать «на культурном плаву» депрессивный посёлок. А ещё — побывать во многих городах России, в Финляндии, принять в своей маленькой школе множество гостей из разных стран. Школу часто демонстрируем приезжим как образец «продвинутого сельского образовательного учреждения — социокультурного комплекса, школы-сада», показывают по телевидению и публикуют в СМИ.

Социальная функция школы — приоритетная. Здесь, в условиях экономического и социокультурного развала, только через социально-педагогическую деятельность и возможно выполнить те, официально предначертанные функции — образовательную, воспитательную, развивающую. Директор — Надежда Михайловна Рубец показывает нам то, что остаётся «за кадром» визитов в обычные школы — канализацию и водопровод, тёплый школьный туалет, баню, построенные школой благодаря выигранным грантам.

Год 2009

Реальность модернизации системы российского образования, как двуликий Янус, грешит двойными стандартами: объявляются, на первый взгляд, здоровые и добрые наме-

рения, а скрываются за ними и случаются совсем иные. Вот и присоединение маленькой Верхнеолонецкой основной школы к большой Коткозерской средней школе предполагало, что «станет лучше»: дети попадут в более оснащённые кабинеты, к более опытным педагогам, расширится круг их друзей-ровесников, повысится качество — улучшатся результаты обучения.

Каждый из аргументов изначально вызывал сомнения. Условия обучения: база верхнеолонецкой школы, созданная в основном силами учителей, сейчас порушенная и вывезенная в Коткозеро, была явно много современнее многих не только сельских, но и городских школ. Все верхнеолонецкие педагоги имеют высшее педагогическое образование, а некоторые даже не одно, большая часть учителей — высшую профессиональную квалификацию. Недостаточность социальных контактов со сверстниками с лихвой компенсировалась проживанием будней и праздников в разновозрастной школьной семье из пятидесяти детей, десятка педагогов, родителей, односельчан, постоянными совместными близкими и дальними поездками, походами детей и взрослых.

Не смогли тогда защитить школу от молоха реструктуризации ни обращения к депутатам разных рангов, ни письма в Правительство. В тот год в школьный автобус, отправляющийся в 8.10 по утренней темноте за 25 километров в Коткозеро, сначала сели дети из четырёх старших классов, потом там оказались и пятиклассники. Возвращается автобус в 16.30.

Верхнеолонецкая школа как-то сразу сжалась, уменьшилась в размерах: два класса-комплекта начальной школы, с десятком детей, два учителя. Новые порядки и ритмы, устанавливаемые далёким начальством по телефону.

Присоединение, а по сути, начало ликвидации школы, заставило несколько семей покинуть посёлок. Попытались уехать

и некоторые учителя, но в результате кто живёт на два-три дома (муж в посёлке, сама в городе, дети — ещё где-то), кто каждый день мотается туда-сюда.

Год 2011

Посёлок оживает под вечер, когда возвращаются коткозерские школяры. Набиваются они, как раньше, в детский клуб, который оставшиеся бывшие учительницы не забросили. Здесь есть у ребят кружки, заняты любимым делом дети и педагоги. Бывшие учителя поддерживают созданный школой музейный комплекс. Трудно, но живёт школа. Пока.

С 1 сентября 2011 года российские первоклассники начали учиться по новым Федеральным государственным образовательным стандартам. ФГОС нового поколения верхнеолонецкие первоклассники, как решили учредители, должны осваивать только в Коткозере, поскольку там созданы те необходимые условия, которые требует стандарт.

Родители, напуганные новизной и усыпившие свою бдительность обещаниями пресловутых условий, посадили малышку в школьный автобус, но транспортная «доступность» оказалась тяжёлой проблемой.

Верхнеолонецкие первоклассники отрабатывают свой школьный рабочий день как взрослые — по 8–9 часов, без дневного сна (нет у Коткозерской школы таких возможностей). Особых условий в Коткозере не оказалось: школа давно уже мыкается на минимуме выделяемых средств. Дети болеют, выходных не хватает на восстановление их сил.

Уже через месяц родители поняли, что эксперимент не удался, что детей использовали ради решения каких-то других проблем, отнюдь не детских: увеличения количества классов-комплектов — «экономии» средств, удовлетворения чьих-то амбиций...

Вот и решили очнувшиеся родители вернуть детей в родную школу — забили во все колокола, обратились в местные и другие инстанции вплоть до Ассоциации защиты прав ребёнка. Однако «ломать — не строить» — истина известная...

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Районная прокуратура провела проверку и вынесла решение: Коткозерская школа должна исправить недочёты. Что имеется в виду? Построить дорогу? Отремонтировать автобус? 25 километров — расстояние, нарушающее требования СанПиН не только в отношении учащихся начальной школы, не сократишь до пешеходной доступности. Расширить — перестроить помещения?.. Заменить интернатом семью? Давайте будем реалистами!

В это время в верхнеолонецкой школе бездействует комната отдыха, есть столовая, истосковались по серьёзной работе опытные специалисты. И мамы-папы малышей не где-то, а рядом.

Год 2012

Вразумительного ответа на просьбы и обращения родители первоклассников пока ни от кого не получили и поэтому готовятся к сопротивлению действием. Намереваются больше не сажать детей в треклятый автобус, добиваться ставки учителя начальных классов в Верхнем Олонце, вернуть малышей в посёлковую школу.

Может, и поживёт ещё маленькая школа?

Пример верхнеолонецкой школы уникален. Почти два десятилетия именно она, маленькая школа, была действительной хранительницей посёлка, его последним шансом жить достойно. Сколько российских сельских учителей в эти годы сдались — уехали, сменили любимую работу на нелюбимую, опустились. А они, верхнеолонецкие учительницы, выстояли, и детей посёлковых поднимали, и односельчан. Неужели такой школе больше не быть?

Пример верхнеолонецкой школы не единичен. Тысячи малочисленных школ закрылись в России за последние десятилетия. Не миновала эта участь

и многие «маленькие школы» Карелии. Исчезают они примерно так же — через хитрости пресловутой реструктуризации — оптимизацию, филиализацию, присоединение, укрупнение... Детство тех якобы немногих сельских детей, которым случилось родиться в глубинке, оценивается управленцами в категориях «выгодно» — «не выгодно». В результате этих манипуляций оно искорёжено интернатским одиночеством, переутомлением и подорванным здоровьем, потерей интереса к учению, неуспешностью уже на старте жизненного пути.

«Мировые и российские тенденции...», «глобализация», «индустриализация» и прочие «признаки современности» не должны быть оправданием коверкания человеческих судеб, тем более — детских.

Вопрос остаётся открытым: маленькая сельская школа... Сельское детство... *Быть вам или не быть?*

Рефлексия

Самое печальное — руины школы Верхнего Олонца. Пустые кабинеты без столов и стульев, вывезена аппаратура и всё, что можно вывезти в базовую школу, которая по замыслу должна была поделиться с маленькой школой своими ресурсами. Родители нынешних первоклассников согласились на полумеры. Педагогического коллектива — единого, делового, активного — больше нет. Разошлись учительницы: кто группами, кто поодиночке. Посёлок разделился на «за» и «против». Верхнеолонецкую школу в таком виде, как была, уже не восстановить. Идёт к тому, что не будет там скоро и начальной школы. Если раньше Верхний Олонец можно было показывать как пример жизнеспособности, то теперь следует возить в посёлок коллективы пока ещё живых маленьких школ, чтобы показать, что случится с ними и с их деревней, если они не будут бороться за детей, за школу, за себя.

Коткозерцам тоже непросто: к школе присоединён коткозерский детский сад, а кроме верхнеолонецкой — ещё одна подобная малая школа в посёлке Ковера (за 21 км.). Да ещё пришкольный интернат, где проживают неделю без родителей 19 детей, семья самого дальнего из которых почти за 90 км от ребёнка. В интернате и первоклассник, и 11-классники. Да, сокращение прошло значительное. Нет больше психолога, неполная ставка у социального педагога, а их надо бы двоих-троих в такой сложной социокультурной ситуации.

Как могут, вытягивают коткозерские педагоги требования стандарта: при нас вносили в первый класс новенькую мультимедийную доску (сработал эффект телевидения), ведут внеурочную работу (карельский язык, спорт, театральные кружки, «Инфознайка» — информатика). Для тех, кто не уезжает после уроков школьным автобусом, есть при школе возможность заниматься в музыкальной школе, в спортивных секциях. Однако нет у коткозерцев былого лоска (прежде была она первой в России школой — социокультурным комплексом): под замком знаменитый школьный телерадиоцентр, вещавший на всё Коткозеро, бездействует база сельскохозяйственной подготовки. Обычная она сегодня: ухоженная, но пока ничем не примечательная, возможно, потому, что ещё адаптируется к административным решениям. Посильны ли для школы такие проблемы? Система выбивает по одному: человеку, коллективу, школе, деревне, посёлку. И шанс выжить тоже один — объединяться.

Смещение понятий

Чиновники к малокомплектным уже причисляют школы, где классов-комплектов ровно столько, сколько привычных классов-возрастных групп, где нет параллелей. Тогда как правомерно такими школами называть только те, где организованно совмещённое обучение двух (увы, есть

и более) классов-возрастных групп в одном классе-комплекте. Малокомплектность — следствие малочисленности — становится всё более и более распространённой.

Смещение понятий приводит к формальным решениям, без понимания уникальности образовательной ситуации конкретной школы. Никак не учитывается специфика образовательного процесса в малокомплектной школе — особая интенсивность труда учителя, своеобразие организации учения школьника, значение его самостоятельной работы в классе... Практически нет и «не замечается» потребности в разработке специальных методик преподавания в таких условиях. При этом малокомплектных школ, классов совмещённого обучения в России тысячи, в условиях ужесточения финансирования их количество растёт.

Ещё одна «хитрость», внедряемая в целях «экономии» — финансирование не по количеству классов-комплектов, а по количеству реализуемых образовательных программ. В результате базовая школа получает финансирование по одной программе, например, начального образования, а дети эту программу осваивают в территориально разбросанных двух и более присоединённых к ней маленьких школах. Чтобы выкрутиться (а требуют ещё и экономить), школа стремится избавиться от присоединённых. Как? Через подвоз, интернат, а это означает ликвидацию маленьких школ.

Относительно «малой эффективности» маленьких (т.е. малочисленных и малокомплектных) школ есть данные лишь в отношении финансовых и материальных затрат. Такие школы затратны по сути. Основные публичные претензии к маленькой школе на всех уровнях — к качеству образования. Это так называемое «низкое качество» предъявляется как основная причина присоединения, филиализации, т.е. ликвидации. На деле есть немало примеров, когда малые школы показывают хорошее качество — лучшее, чем в больших сельских и городских школах.

Для обучения и воспитания в малых разновозрастных группах в соответствии с современными стандартами необходима срочная и глубокая работа учёных, методистов по разработке методик и технологий малокомплектной школы

и их апробации на практике. Нужны тьюторство, дистанционное обучение, современные учебно-методические комплекты, обеспечивающие образовательный процесс в специфических условиях.

О «качестве» давно пора говорить профессионально, с пониманием того, что сельские дети уже с рождения дискриминированы. Многие из них рождаются и живут в семьях социально неблагополучных — безработных, депрессивных, алкоголизованных; проводят раннее детство вне дошкольной системы образования. Как профессионалы, сельские учителя совершают невероятное: начинают с педагогической запущенности и поднимают ребёнка до нормального уровня развития. Но в больших городах сельским мигрантам трудно выбраться выше «городских низов». У себя же на «малой родине» они часто не могут на современном уровне вести даже приусадебное хозяйство, не то, что заниматься малым бизнесом. В Карелии за последние десять лет долгостроем была построена одна сельская школа. Ветхость, затратность ремонта, «неформат» старых зданий — весьма весомый и частый повод для того, чтобы школу закрыть.

Созданы все условия для пессимистического варианта развития событий. Сообщество разобщено, растеряно, бессильно и безразлично к происходящему. Сельские школы готовят выпускников к отъезду в город. Так и оценивают педагоги свой профессионализм — по уехавшим.

Как нам преодолеть упадок и безвременье...

Почти повсеместно: миграция сельского населения в более крупные поселки и города, многие дома полуразрушены. Старики оставлены, семьи разрушены. Мужчины спиваются, а те, кто стремится выжить, вынуждены искать работу на стороне. Немногие крепкие

семьи в буквальном смысле стоят перед трагическим выбором «быть или не быть».

Кризис политики администрирования в отношении школы, и особенно сельской, достиг критической точки. Перед нами — два пути: или застой и стагнация из-за крайней бюрократизации сферы образования, или возвращение гражданской инициативы, отход от принципов манипулирования школой, её укрепление.

Общеизвестно, что численность сельских школ, учащихся и учителей в 2000-е годы постоянно сокращается (число сельских школ сократилось с 43,8 тысяч до 38,6 тысяч, учащихся — с 5,89 млн до 4,36 млн). Но в малых школах всё равно учатся более половины школьников.

По данным министерства, оснащённость школ учебным оборудованием за два года повысилась с 4% до 24% от потребности. К окончанию следующего года будет оснащена, как минимум, каждая третья школа, в том числе — все базовые сельские школы (за два года создано и оснащено в «пилотных регионах» около шести тысяч базовых школ). С учётом вышеприведённого не обосновано утверждение о том, что сельские малочисленные школы закрывают из-за финансовых проблем, в частности, введения нормативного подушевого финансирования (НПФ). На самом деле, наоборот, малоэффективность деятельности малых сельских школ была названа причиной перехода на НПФ. Рекомендованная Минобрнауки России модельная методика перехода на НПФ (письмо от 13 сентября 2006 г. № АФ-213/03) предусматривает сохранение сложившихся объёмов финансирования учреждений на переходный период, но одновременно указывает на важность экономии.

В России с 1990 г. население сократилось на 10 млн, не стало 23 тысяч населённых пунктов. После событий жаркого лета-2010 посёлков стало ещё меньше (сгорело и несколько школ). Есть основания считать, что

в результате политики экономии сокращение числа малых поселений и школ приобретает характер тенденции.

Это не отрицают и в Министерстве экономического развития. Количество малых и средних городов в России в течение ближайших нескольких десятков лет будет неуклонно сокращаться, перетекание населения в более крупные города будет продолжаться. В ближайшие 20 лет из малых и средних городов может мигрировать в крупные города до 15–20 млн человек.

В зависимости от содержания и форм социокультурной политики (на селе и в образовании) будут складываться культурные условия развития детства. Вариантов развития два: **пессимистический** (образовательная политика по-прежнему будет проводиться в интересах управленческой вертикали и бюрократических приоритетов оптимизации школ) и **оптимистический** (образовательная политика изменится в результате активизации гражданских сообществ и их социокультурных приоритетов).

Причины и проявления кризиса

Причины кризиса — в недалёкой и бюрократической образовательной политике, в социальной стагнации малых поселений, недостаточной производственной мобильности и инерционности населения, его естественной убыли, миграции, кризисе традиционного производства. В регионах школы, которые даже в репрессивных условиях пытаются осуществлять свою культурную миссию, в одиночку, без помощи гражданских сил не могут переломить ситуации распада села.

Беда в том, что из десятка задач, обозначенных в программе развития села и сельских школ, приоритетом стала «реструктуризация», которая к тому же трактуется бюрократически: закроем одну школу, а в другую детей будем свозить. Это называется на образе и качестве жизни

детей, следовательно, и на падении качества образования в целом, поскольку его у нас опережают не по социокультурным условиям, а по формальным показателям.

Качество образования нельзя повысить путём «пересадки» детей из их семей в школьные интернаты и увеличения парка автобусов на 7–10 тыс. единиц — это только интенсифицирует автобусное сообщение, создавая проблемы на дорогах и в базовых школах. Вероятно, автобусный вариант развития образования был недостаточно внимательно и объективно просчитан: управленческая вертикаль просто пошла по пути очевидного поверхностного решения.

Чтобы переломить ситуацию, следует не просто изменить образовательную политику в целом и в регионах, — надо изменить формы, методы и стиль управления, сделав его открытым и ориентированным на диалог. Но этого пока не происходит. Система управления движется по инерции, не меняя направления — она на своём бюрократическом поле «дожимает» школы, определённые ею на «реструктуризацию» ради сомнительной экономии средств.

Более эффективным средством экономии было бы значительное сокращение разбухших штатов чиновников и использования высвободившихся зарплат на модернизацию сельских школ! *Малые поселения, малые школы, малый бизнес* — капилляры, кровеносные сосуды социокультурной системы в целом. Они требуют особых условий сохранения и развития, без чего невозможна нормальная социальная жизнь.

Фактически учителя и школы пытаются обеспечить традиционную образовательную и педагогическую деятельность, не встречая должной поддержки, понимания и помощи системы образования, местного самоуправления и родительского сообщества (что имеет многие причины; одна из них — отношение к сфере образования как вторичному по значимости явлению; отсюда и финансирование по остаточному принципу). Также причина в том, что в образовательной политике продолжает действовать авторитарный принцип силовых решений, помноженный на уверен-

ность, что развитие образования требует быстрых технико-управленческих и экономических решений сверху, а не длительного культурного взращивания многообразных средств саморазвития каждой существующей школы (большой и малой).

Социокультурный и гражданский потенциал сельской школы

Контекст понятия «социокультурные условия» многими исследователями закономерно связывается с преодолением противоречий, возникших в результате непродуманной социальной и образовательной политики последних лет. Образованию, школе, ребёнку надо создать культуросообразные условия для саморазвития, поскольку культура образования, культура школы вырастает вне инспекторского контроля или вопреки ему — когда для этого есть соответствующие условия: материально-техническое обеспечение и организационная поддержка. Если первое ещё существует, то второе заменил административный контроль.

Известно, что культурным (а значит, и высококачественным) любое явление становится, когда оно само порождается продуктивной деятельностью и соответственно порождает дальнейшую творческую, инновационную деятельность, соответствующую интересам саморазвития сообщества (в школе это детско-взрослое сообщество, объединённое ценностями образования и свободно реализующее эти ценности в своей деятельности). Значит, школа должна быть свободной и творческой, тогда она может развиваться. С этой точки зрения достаточных условий для модернизации сферы образования у нас пока нет, поскольку модернизировать можно только то, что жизнеспособно.

Школам не дают свободно развиваться тиски обязательной, навязываемой извне отчётности, бесконечные проверки.

Надо обеспечить самим школам право открыто обсуждать и принимать те предложения, которые будут способствовать её росту-модернизации. Следует перенести модернизацию на уровень самой школы, ведь мы не раз убеждались в том, что внедрение и модернизация сверху превращаются в очередное «завинчивание гаек» и ведут к застою. Взаимодействие государственных структур и структур самоуправления поможет снять стагнацию малых поселений и малых школ, поможет сохранить культурную среду/почву этносов.

Необходимо сохранять культурный уклад местных социумов, включающих и школьные детско-взрослые сообщества, что создаст условия для реального развития малых школ и активного сообщества малых поселений: без этого невозможно сохранить малые школы. Позитивные социально-культурные практики развития сообществ — показатель эффективности действий (взаимодействия, противодействия, со-действия) школы, общественности, жителей региона.

Должно действовать правило — управленческое решение может действовать только при поддержке его на нижних уровнях всей управленческой системы. Малым школам система должна вернуть уверенность в их сохранности (культурной значимости). Такая установка может базироваться только на праве каждой малой школы: её не тронут, если сообщество не хочет этого допус-

тить. Надо взять за правило: малые школы продолжают получать необходимое финансирование несмотря на так называемую малокомплектность. Малым школам должно быть дано право организовывать образовательные процессы так, как комфортно её ученикам (в малых разновозрастных группах).

Эта социокультурная норма предусматривает и другое социальное право — особый статус благоприятствования малым школам. Для этого необходимо, чтобы:

- программы и модели развития школ исходили не из узко трактуемой государственной целесообразности (финансовой экономии), а из социального, гражданско-го и культурно-образовательного **заказа** детско-взрослых сообществ школы и поселения (это первичный общественный **договор поддержки малых школ как культурной почвы этносов**);
- региональные программы модернизации образования поддерживали и обеспечивали соответствующие программы развития конкретных школ в конкретных поселениях;
- социальное развитие было нацелено на улучшение социокультурного фона и решение культурно-образовательных задач поселения, на сохранение культурно-исторических традиций и на использование инновационных средств образования детей и взрослых (индивидуальное дистанционное образование, сетевые образовательные порталы, образовательные сессии...). **НО**